

С. В. Иванова
Санкт-Петербург, Россия

**ДИСКУРСИВНАЯ АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США)**

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена процессам функционирования языковых знаков с культурно детерминированным содержанием в дискурсе политически ангажированных СМИ. Использование культурологически маркированных единиц языка в политическом дискурсе имеет ряд особенностей и преследует совершенно определенные цели, которые соответствуют целям политической коммуникации. Тот факт, что культурологически маркированные единицы оказываются активно и эффективно задействованными в политическом дискурсе, с одной стороны, объясняется задачами и целями политической коммуникации, а с другой — эти задачи и цели находят соответствие в онтологических особенностях данного вида знаков. К таковым относятся аксиогенность культурологически маркированных культурно-языковых знаков, их ингерентная способность к номинации, идентификации, кодификации ценностей лингвокультурного сообщества, их способность делать к ним отсылку в дискурсе, служить средством оценочности и экспрессии. Информация культурно-ценностного плана, которая заложена в культурно детерминированных языковых знаках, обуславливает их главную особенность — потенциальную возможность создания модального контекста за счет референции к ценностному пространству того или иного социума. При дискурсивной адаптации культуронимы становятся источником культурологической модальности, которая предполагает оценку с точки зрения ценностных ориентиров данного лингвокультурного сообщества, то есть отвечает за передачу поощрения или порицания. В политическом медиатексте культурологическая модальность тесно переплетается с модальностью идеологической. Данный процесс способствует наращиванию персуазивности и воздейственности данного типа дискурса, а также его агональности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; медиадискурс; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые знаки; американские СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, к. 207; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

**Вводные замечания: цель, задачи
и методологическая база**

Отличительной особенностью политической коммуникации, по справедливому замечанию исследователей, является ее обращенность к эмоциям адресной аудитории [Руженцева 2004: 12; Чудинов 2013: 9—10]. Одним из средств, характеризующимся высоким экспрессивно-эмоциональным зарядом, а потому представляющим собой чрезвычайно эффективный инструмент для передачи экспрессии и эмоциональности, являются культуроносные языковые единицы. Культуроносные языковые единицы — это единицы, корреспондирующие с культурным семиотическим пространством того или иного лингвокультурного сообщества и передающие информацию культурно-ценностного плана, совмещенную с основным значением языковой единицы. Экспрессивно-эмоциональный потенциал данной группы языковых единиц связан с их обращенностью к ценностным ориентирам общества, которые, собственно, создают ценностный континуум, обеспечивающий наличие последовательных границ между ценностями и антиценностями социума, т. е. то, что позволяет поместить описываемое действие или объект в некое прокрустово ложе, заданное плюсом и минусом на ценностной оси в рамках того или иного культурного пространства. Именно благодаря культуроносным языковым единицам продуценту текста удается передать оценку имплицитно, т. е. не эксплицируя ее на поверхностном уровне

текста посредством общеоценочной лексики. Данного рода языковые единицы представляет собой неисчерпаемый ресурс для успешного решения коммуникативных задач, которые стоят перед политиком-оратором. Именно эта группа языковых знаков, функционирующих в рамках политического дискурса СМИ, подвергается анализу в рамках данной публикации.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей дискурсивной адаптации культурологически маркированных знаков в политическом дискурсе СМИ. Соответственно, в задачи работы входит (1) экспликация принципа, по которому языковые единицы объединяются в группу культурологически маркированных, что подразумевает определение лингвистического механизма культурологической маркированности; (2) выявление дискурсивно-прагматических функций такого рода языковых единиц, что позволяет раскрыть особенности их функционирования в медиатексте политической ориентации. В качестве материала исследования используются публикации из текущей прессы Великобритании и США.

При анализе материала задействованы общенаучные методы анализа и синтеза, наблюдения, обобщения, а также частнонаучные методы дискурсивного анализа, концептуального анализа, прагматического анализа, контекстуального анализа, дефинитивного анализа, анализ фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации текста, а также лингвокультурный комментарий.

Теоретическая база

В центре рассмотрения данной статьи — культуронимы, т. е. культурологически маркированные языковые единицы или, иначе, культурно обусловленные языковые знаки. Определяющей, а потому релевантной для понимания культуронимов, т. е. единиц, «закрепленных за элементами разных культур» [Кабачки 2004: 12], является генетическая локализация данных единиц: эти языковые знаки находятся на перекрещении семиотических пространств языка и культуры. При этом их культурная «привязка» может осуществляться через три аспекта языкового знака: семантику, синтактику или прагматику [Иванова 2003: 89—95]. Именно таким образом реализуется культурологическая маркированность языкового знака любой природы вне зависимости от его ярусной принадлежности.

С точки зрения семантики, информация культурно-ценностного плана может составлять денотативное значение лексической единицы. Так, уникальность прерии как географического явления, свойственного Северо-Американскому континенту, выражено в самой дефиниции лексической единицы *prairie* (a seemingly endless sea of grass as high as a person's head, teeming with flowers and bugs and other critters. And not a tree in sight [Barnhart, Metcalf 1997: 78]), а вот экспрессивный компонент, который передан посредством стилистического приема выдвигания, что вообще-то нехарактерно для словаря, потенцирует выражение эмоциональности и оценочности.

Культурологическая детерминированность может быть связана и с сигнификативным компонентом лексического значения слова. Такими единицами, к примеру, являются ставшие частотными для политического и массмедийного дискурса США лексемы *leadership*, *empowerment*, *independence*. Сами понятия, которые выражают данные лексические единицы, весьма характерны для американского языкового сознания и отражают современную американскую картину мира. Так, концептуальное содержание лексемы *leadership* для американца, очень наглядно сформулированное как *leadership as a rival form of power* / *лидерство как одна из форм власти* [Burns 1978: 15], «предполагает ментальную структуру, отражающую идею лидерства как первенства, граничащего с исключительностью (в смысле избранности); руководства, которое переходит в контроль, доминирование и господство; миссионерства наряду с ответственностью, инициативностью, решимостью и целеустремленностью, готовностью к воплощению пла-

нов; влияния, подкрепленного, в том числе, властью и силой» [Иванова 2014: 66]. По существу, данная лексическая единица сблизилась в американском политическом сознании, если в целом не в коллективном сознании американцев, с понятием американской исключительности, *American exceptionalism*. Весьма показательна в этом отношении выдержка из речи Хиллари Клинтон (избирательная кампания 2016 г.), в которой она поясняет, что такое американская исключительность, напрямую связывая ее с понятием лидерства в его американском толковании: *The United States is an exceptional nation. I believe we are still Lincoln's last, best hope of Earth. We're still Reagan's shining city on a hill. We're still Robert Kennedy's great, unselfish, compassionate country. And it's not just that we have the greatest military or that our economy is larger than any on Earth. It's also the strength of our values, the strength of the American people. Everyone who works harder, dreams bigger and never, ever stops trying to make our country and the world a better place. And part of what makes America an exceptional nation, is that we are also an indispensable nation. In fact, we are the indispensable nation. People all over the world look to us and follow our lead. My friends, we are so lucky to be Americans. It is an extraordinary blessing. It's why so many people, from so many places, want to be Americans too. / Соединенные Штаты — исключительная нация. И я верю в то, что мы заветная и лучшая Линкольнова надежда на Земле. Мы остаемся сияющим городом Рейгана на холме. Мы все еще остаемся великой, бескорыстной, полной сочувствия страной Роберта Кеннеди. И далеко не только потому, что у нас лучшая армия или наша экономика самая большая на земле. А из-за силы наших ценностей, силы американского народа. Все, кто неустанно работает, мечтает по большому счету, никогда не бросает попыток сделать нашу страну и наш мир лучшим местом на земле. И еще, почему Америка — исключительная нация, так это потому, что мы незаменимы. Взоры людей всего мира устремлены на нас, люди всего мира следуют за нами. Друзья, нам повезло родиться американцами. Это благословение Господне. Именно поэтому так много людей на земле тоже хотят быть американцами [Read Hillary Clinton 2016]. Не зря доктрину американской исключительности объясняют как идею морального превосходства нации, которой уготовано самой судьбой вести мир за собой (*The idea of a morally superior and unique civilization destined to guide the world* [Tyrrell 2016]). Поле, созда-*

ваемое единицами *lead, leadership, guide, American exceptionalism*, представляет идею, которая и легла в свое время в основу доктрины явленной судьбы.

Столь же интересно проявляется и культурологическая маркированность лексемы *empowerment*, имеющей сугубо «американское» прочтение. Частотность данной «американизированной» единицы особенно заметна в феминистском дискурсе — с ним она и ассоциируется: *Empower women. Christopher Hitchens advocates for “the only known cure for poverty, which is the empowerment of women and emancipation of them from a live-stock version of compulsory reproduction. / Продвигайте женщин. Кристофер Хитченс выступает за единственное средство от нищеты — им является продвижение женщин и их освобождение от животной версии принудительного воспроизводства* [Al Mutar 2016: 7]. Любопытный материал для размышлений об источнике культурно-ценностной информации, локализованной в сигнификативном значении этой лексемы, дает работа со словарями. Так, в словаре *Oxford* значится глагол *empower* (1. Give (someone) the authority or power to do something: ‘nobody was empowered to sign checks on her behalf’; 2. [with object] Make (someone) stronger and more confident, especially in controlling their life and claiming their rights: ‘movements to empower the poor’ [Oxford Dictionary]; ср. рус. *уполномочивать, вселять моральную стойкость и уверенность в себя, особенно в том, что касается осознания своих прав*), который служит отправной точкой для образования вышеуказанного существительного. Совершенно очевидно, что как исходная единица общенационального языка в своей глагольной форме данная лексема вряд ли может претендовать на статус культуронима. Дефиниция в словаре американского варианта английского языка *Merriam Webster* уже заставляет лингвокультуролога задуматься, поскольку фиксирует то значение глагола *empower*, которое легло в основание однокоренного культурологически маркированного существительного. Согласно названному словарю, *empower* трактуется как (1) to give official authority or legal power to <empowered her attorney to act on her behalf> (ср. рус. *уполномочивать*); (2) enable (ср. рус. *позволять*); (3) to promote the self-actualization or influence of (ср. рус. *служить самореализации и расширению влияния кого-л.*) <women’s movement has been inspiring and empowering women — Ron Hansen> (ср. рус. *женское движение вдохновляет женщин и вселяет в них уверенность в свои силы*) [Merriam Webster]. Характерно, что ни

тот, ни другой лексикографический источник не дает существительного *empowerment*, довольно частотного в массмедийном дискурсе политической направленности. Между тем любопытно, что словарь *Collins* выделяет одно специфическое значение *empowerment*, сопровождая его пометой: (Government, Politics & Diplomacy) (in South Africa) a policy of providing special opportunities in employment, training, etc. for Black people and others disadvantaged under apartheid / (государственное управление, политика и дипломатия) (в Южной Африке) политика предоставления особых возможностей для черного населения и других менее привилегированных групп при приеме на работу, в учебные заведения и т. п. [Collins], но, как видно из словарной пометы, данное значение актуально для варианта английского языка в Южной Африке. Вместе с тем в настоящее время именно американское феминистское движение определяет значение слова *empowerment*. Его использование в феминистском дискурсе США настолько частотно, что данный факт стал служить источником раздражения части общественности. Неумеренное употребление указанного слова журналист Ружь Випман (Ruth Whippman) называет *frenzy* (ср. рус. *сумасшествие*). Подобная реакция автора статьи обусловлена тем, что в результате злоупотребления этим словом оно оказалось полностью или почти полностью семантически выхолащенным, о чем иронически, если не саркастически, пишет журналистка: *The word empowerment has become the rallying cry of mainstream feminism, with virtually any act performed enthusiastically by a woman — from washing her hair or posting her bikini photos — now designated as “empowering”.* / Слово *empowerment* стало возгласом протестующего феминизма: любое действие, которое воодушевленно делает женщина — от мытья головы до выставления своих постов в бикини — сейчас же нарекается этим словом [Whippman 2016: 21].

Примером еще одной «американизированной» лексемы является слово *independence*. В силу всем известных исторических причин это слово приобрело и удерживает уже несколько столетий особую значимость для граждан Северо-Американских Штатов. Денотативное значение данной лексемы по словарю *Merriam Webster* подразумевает *the quality or state of being independent* [Merriam Webster]. Вместе с тем уже *Learner’s Dictionary* выделяет несколько значений: (1) freedom from outside control or support: the state of being independent [noncount] *They are fighting for independence from colonial rule.*

[=fighting because they want to stop being a colony ruled by another country] *Her ambition is to achieve financial independence*. [=to earn all the money she needs; to not depend on money given by anyone else] *She asserted her independence from her parents by getting her own apartment. The country declared (its) independence*. [=said that it would no longer accept the rule of another country] *a war of independence* [=a war that is fought to gain independence] [singular] *He has shown a fierce independence of spirit/thought*. (2) [noncount] : the time when a country or region gains political freedom from outside control *A month after independence, elections were held* [Learner's Dictionary]. Как явствует из данных дефиниций, сигнификат лексической единицы *independence* включает особое понимание независимости по-американски. Оно сводится к обозначению состояния свободы (от чужих мнений, контроля извне, чужой воли и т. п.), как индивидуальной, так и государственной, и представляет собой одну из базовых американских ценностей (см. [Weaver 1997: 10—11]).

Наряду с этим, культурологическая маркированность может локализоваться и в коннотативном значении слова: примером такого рода является лексема *communist*. Для американского языкового сознания данная единица эксплицирует следующие значения: (1) an adherent or advocate of communism; (2) *communard*; (3) **a** capitalized: a member of a Communist party or movement; **b** often capitalized: an adherent or advocate of a Communist government, party, or movement; (4) *often capitalized*: one held to engage in left-wing, subversive, or revolutionary activities [Merriam Webster], то есть *приверженец идей коммунизма, коммунары, член коммунистической партии, человек, занимающийся революционной подрывной деятельностью*. Сема, переданная при помощи атрибута *subversive* (в значении (4): человек, поддерживающий политические движения левого толка, занимающиеся тайной или революционной деятельностью), то есть «направленный на изменение или слом существующего законного правительства» (Intending or intended to subvert an established order, especially to undermine or overthrow an established government: *subversive groups; subversive publications* [American Heritage]), предполагает выражение отрицательной оценки денотата лексемы *communist*.

Вслед за В. В. Кабакчи можно с уверенностью утверждать, что культурноносная лексика выступает маркером культурной адаптации, т. е. указывает в прямой или косвенной форме на то, какая культура имеется в виду автором [Кабакчи 1993: 71], ведь дале-

ко не в каждой лингвокультуре эквивалентное слово будет отмечено отрицательной коннотацией. В таком же духе высказывается и Д. Б. Гудков, когда отмечает, что, оперируя одними и теми же знаками, представители разных культур оперируют представлениями, различия в структуре которых не всегда осознаются ими и оценочность которых может быть прямо противоположной [Гудков 1997: 119]. Так, знакомство с эквивалентным английскому *communist* словом русского языка *коммунист* позволяет выделить в нем сходные значения, такие как (1) приверженец коммунизма, (2) член Коммунистической партии, (3) человек, характеризующийся стремлением к социальной справедливости, высоким чувством долга, самопожертвованием ради идеи или конкретного дела [Общий толковый словарь]. Однако, как явствует из значения (3), русская лексема *коммунист* отмечена положительной коннотацией (необходимо отметить, что в связи со сменой социальной парадигмы и русское слово *коммунист* претерпело изменения, которые еще не отражены в общетолковых словарях). Таким образом, паролная, или, иначе, идентифицирующая функция культуронимов выступает в данном случае довольно ярко.

Культурологическая компонента может скрываться также в синтактике языкового знака. Так, известная словообразовательная модель, когда имя собственное присоединяется к корню *-gate*, восходящая к *Watergate*, названию гостиницы, в стенах которой в штабе Демократической партии были установлены прослушивающие устройства во время избирательной кампании 1972 г., несет в себе широкий спектр отрицательных коннотаций [Иванова, Чанышева 2014: 163]. Модель активно используется в политическом дискурсе: не зря журналист Карл Вик пишет, что любой скандал может получить наименование очередного Уотергейта: *Over the decades since, there have been efforts, never quite right, to dub this or that scandal the next Watergate* [Vick 2016: 34].

Прагматика языкового знака также может быть источником культурологической маркированности. К примеру, в колонке «Opinion» газеты *New York Times* Чарльз Сайкс пишет: *The conservative media ecosystem — like the rest of us — has to recognize how critical, but also how fragile, credibility is in the Orwellian age of Donald Trump. / Консервативная экосистема массмедиа, как и все мы, должна признать, насколько критически мала степень и без того хрупкого доверия в Оруэллову эпоху Дональда Трампа* [Sykes 2017]. Журналист использует прилагательное *Or-*

wellian, которое не имеет дефиниции ни в словаре *Мерриам Вебстер* (*Merriam Webster*), ни в *Оксфорде* (*Oxford*), несмотря на широкое хождение данного культуронима. Словарь *American Heritage* дефинирует эту единицу как *Of, relating to, or evocative of the works of George Orwell, especially the satirical novel 1984, which depicts a futuristic totalitarian state* [American Heritage]. Выбор этой культурно детерминированной единицы в данном контексте обусловлен прагматическими причинами. Избранная единица несет в себе гораздо больше смыслов, чем любое другое однозначно обличающее именование. Не используя эксплицитно оценочные слова типа *totalitarian, dictatorial, false* и т. п., автор элегантно вешает многослойный ярлык на вновь избранного президента и его политику.

Таким образом, культурологически маркированным (или культурно обусловленным, или культурно детерминированным, или культурноносным) может выступать языковой знак любой ярусной принадлежности. Интерес представляет то, каким образом осуществляется дискурсивная адаптация такого рода языковых знаков в рамках политического дискурса массмедиа.

Исследование функционирования подобного рода языковых единиц убеждает, что в основе дискурсивной адаптации культурологически маркированных знаков в политическом дискурсе массмедиа лежат две характерные особенности, связанные с генезисом, природой и онтологией единиц данной группы. Прежде всего изучаемые единицы характеризуются таким свойством, как макрометафоричность. На данное качество указывают многие отечественные лингвокультурологи [Зыкова 2014; Слышкин 2000]. Так, например, И. В. Зыкова объясняет макрометафоричность культурно обусловленных фразеологических единиц тем, что они были образованы как метафоры [Зыкова 2014]. В дальнейшем же изначальная метафора приумножилась за счет еще одной понятийной области, к которой была произведена отсылка. Исследованный для данной работы эмпирический материал свидетельствует о том, что указанное свойство можно экстраполировать на довольно большой сегмент культурологически маркированных единиц. Представляется, что это связано с природой их образования, когда имеющиеся в лексиконе слова переосмыслились для обозначения новых понятий, о чем убедительно и красноречиво пишут Давид Барнхарт и Алан Меткаф [Barnhart, Metcalf 1997: VI].

Кроме этого, И. В. Зыкова отмечает еще одно свойство культурно обусловленных

фразеологических единиц. Таковым является выражение ими оценки — этической или эстетической, рациональной или чувственной. «Этическая и эстетическая информация — это то, что определяет культурную ценность (в том числе высшую) описываемого в образе объекта, его культурную значимость; дает культурную установку на определенное к нему отношение, формируя „сердцевину“ коннотативного потенциала фразеологизма» [Зыкова 2014: 320]. Как справедливо отмечает И. В. Зыкова, оценочность содержится в номинативной свертке данных единиц. Есть все основания для вывода о том, что данное свойство распространяется на большой сегмент культурноносных единиц не только фразеологического яруса. Ценностность онтологически присуща культурно обусловленным единицам. Это связано с характером передаваемой ими информации: заложенная в языковых знаках культурная информация ценностна, поскольку ценностна сама культура. В результате культурологически маркированные языковые единицы легко порождают модальность как таковую, поскольку сами являются средствами создания культурологической модальности, т. е. модальности, передающей субъективное отношение, основанное на ценностных ориентирах лингвокультурного сообщества создателя текста.

Характерной особенностью культурно обусловленных знаков является возможность использования одних и тех же единиц как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Знак оценки зависит от коммуникативного намерения говорящего. Как известно, энантисемия, способность генерировать и положительный, и отрицательный контекст, заложена в природе оценочного значения.

Подытоживая сказанное, можно с уверенностью констатировать, что, обладая свойствами макрометафоричности и оценочности, культурологически маркированные единицы многократно воспроизводятся и тем самым способствуют постоянному реконструированию культурно-ценностного пространства того или иного лингвокультурного сообщества.

Результаты исследования

Анализ эмпирического материала убеждает в том, что дискурсивная адаптация культурно обусловленных знаков обеспечивает реализацию нескольких функций данных единиц в рамках массмедийного дискурса политической направленности: номинативной, кодифицирующей, коммуникативной, эвалюативной (оценочной), экспрессивной,

идентифицирующей / парольной (экспликация лингвокультурологической категории «свой — чужой»), референтивной (отсылка к культурно-ценностным ориентирам).

Номинативная функция реализуется в тех контекстах, в рамках которых культуроним служит прямому именованию предмета речи. Примером номинативной функции может служить следующий отрывок из колонки в *New York Times*: *At an event marking Black History Month last week, the president took a detour from a discussion of Frederick Douglass — he described the abolitionist as “an example of somebody who’s done an amazing job and is being recognized more and more” — to talk about the press. / На мероприятии, которое проводилась в рамках Месяца черной истории на прошлой неделе, президент отвлекся от Фредерика Дугласа — он описал аболициониста как пример человека, прекрасно справлявшегося со своим делом и в настоящее время получающего все большее признание, лишь для того, чтобы говорить о прессе* [Sykes 2017]. *Black History Month*, проводимый ежегодно в феврале Месяц черной истории — месячник, посвященный истории чернокожего населения США, — номинация, которая в данном контексте не несет никаких дополнительных коннотаций или смыслов. Как правило, культуроним в номинативной функции важен для понимания фактуальной информации текста: в данном случае колумнист рассказывает о последних событиях в Белом доме и за его пределами и использует культуроним по его прямому назначению — для того, чтобы дать имя предмету речи. Необходимо отметить, что для политически ангажированного текста использование культурологически маркированных единиц в их номинативной функции действительно ограничено и связано исключительно с теми случаями, когда их использование обусловлено особенностями передачи фактуальной информации. Однако обращает на себя внимание тот факт, что номинативная функция обнаруживает тенденцию конвергировать в политическом дискурсе с другими функциями, и, соответственно, роль культурно детерминированной единицы становится значимой для передачи подтекстовой и концептуальной информации. Именно это происходит со вторым культуронимом в приведенном выше контексте — именем одного из борцов за отмену рабства Фредерика Дугласа. Концептуальная информация данной колонки состоит в выражении мнения журналиста относительно того, что президент США не дает свободы прессе, и вот это отношение к прессе противоречит принципу свободы, который декла-

рировал и доказывал всей своей жизнью известный аболиционист. Данный вывод не относится к фактуальной информации текста, но является частью информации подтекстовой.

Кодифицирующая функция реализуется в тех случаях, когда при помощи культуронима воспроизводится «свернутый» культурный текст. При этом культурный текст понимается в семиотическом смысле, по Ю. М. Лотману, как то, что порождает смысл [Лотман]. Кроме этого, для объяснения функционирования культурно обусловленных единиц в кодифицирующей функции не лишне вспомнить трактовку прецедентных феноменов В. В. Красных. С ее точки зрения, значение прецедентного феномена, т. е. явления, имеющего особую культурно-ценностную значимость для представителей той или иной лингвокультуры, можно описать как фрейм-структуру сознания, которая понимается как «когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой „пучок“ предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций» [Красных 1999: 39]. Одним из примеров такого рода является довольно популярное обращение американских политиков к тексту американской конституции посредством использования ее первых слов *We the people*. *We the people* имеет достаточно жесткое прочтение в американском политическом дискурсе: эти слова означают репрезентативность власти, т. е. верховенство власти народа, и напоминают политикам о том, кому последние служат. Использование этих слов предполагает незыблемость верховного закона страны, напоминание об избранности власти и ее долге служить своему народу. Не удержался от данного цитирования и вновь избранный американский президент Д. Трамп, начав свою инаугурационную речь со слов: *We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people. / Мы, граждане Америки, объединились сейчас в едином порыве перестроить свою страну и реставрировать то, что она обещала своему народу* [Trump 2017], лишь немного трансформируя три первых слова конституции США (в силу известных обстоятельств — стремления различать граждан и эмигрантов). Чуть ниже за счет усеченной цитаты *the people* он опять эксплицирует незыблемость принципа, зафиксированного конституцией, принципа, согласно которому власть служит народу: *Because today we are not merely transferring power from one administration to another or from one party to another,*

but we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the people. / Потому что сегодня мы не только передаем власть от одной администрации другой или от одной партии другой, но передаем власть из Вашингтона и возвращаем ее вам, тому самому народу. И вновь и вновь в речи слышится свернутый в два слова the people текст конституции: What truly matters is not which party controls our government, but whether our government is controlled by the people. Jan. 20, 2017, will be remembered as the day the people became the rulers of this nation again. / Что на самом деле имеет значение, так это не то, какая партия контролирует правительство, а контролируется ли правительство тем самым народом. 20-е января запомнится как день, когда тот самый народ вновь стал у руля страны. Таким образом, представив в свернутом виде (we, the people или, еще короче, the people) главный документ страны, президент еще раз заверил своих избирателей, каких принципов он собирается придерживаться.

Коммуникативная функция подразумевает использование культуросной единицы для достижения той коммуникативной цели, которую ставит перед собой продуцент текста, т. е. в широком смысле для целей аргументации. Так, в инаугурационной речи Д. Трампа многочисленные использования одного из ключевых понятий американской культуры *dream* нацелены на убеждение страны в том, что с новым руководством каждый американец обретет свою мечту, ибо мечты каждого рядового американца воплощены в мечтах президента, надо только мечтать по-крупному, наполнять свои сердца мечтой, и тогда эта общая мечта определит великую американскую явленную судьбу: *Their dreams are our dreams, and their success will be our success; Finally, we must think big and dream even bigger; They fill their heart with the same dreams; Your voice, your hopes and your dreams will define our American destiny* [Donald Trump]. Как известно, жанр инаугурационной речи не предполагает весомых логических аргументов. Инаугурационная речь *per definitionem* представляет собой многократно повторенные лозунговые фразы, которые посредством в том числе и искусного использования культурно детерминированных единиц, хорошо понятных собеседнику, находят короткий путь к его сердцу и служат, таким образом, для достижения коммуникативной цели оратора.

Эвалюативная, или оценивающая функция актуализируется при использовании культуронима для того, чтобы эксплици-

ровать оценку, избегая при этом обще- или частнооценочных прилагательных, а делая это за счет самой семантической структуры культуронима. Так, в статье о Трампе и его электоральной базе автор, воспроизводя риторику Демократической партии, использует синонимичные культуросные единицы *redneck* и *hillbilly*: *To assert your identity as part of the enlightened America, you need to disassociate yourself from the racist hillbillies, rednecks, and suburban dolts supporting Trump* [Cassidy]. И тот и другой культуроним содержат оценочность в их семантической структуре. Но если *hillbilly* предваряется негативным атрибутом, то *redneck* в нем даже не нуждается. Так, *redneck* определяется в учебном словаре как *a white person who lives in a small town or in the country especially in the southern U.S., who typically has a working-class job, and who is seen by others as being uneducated and having opinions and attitudes that are offensive* / *белый американец, который живет в маленьком городке или в деревне, особенно на юге США, имеет рабочую специальность, не имеет образования и характеризуется ограниченными и агрессивными взглядами* [Learner's Dictionary]. В словаре «Merriam Webster» *redneck* сопровождается словарной пометой «sometimes/often disparaging (часто / иногда уничижительное): (1) *sometimes disparaging*: a white member of the Southern rural laboring class; (2) *often disparaging*: a person whose behavior and opinions are similar to those attributed to» [Merriam Webster].

Таким образом, используя данную лексику, автор статьи автоматически производит оценку, не прибегая к эксплицитно отрицательной лексике. Выраженная посредством культурологически маркированного слова субъективная оценка, в свою очередь, выступает триггером культурологической модальности. Культурологическая модальность предполагает выражение субъективного отношения на основе векторов культурно-ценностного пространства того или иного лингвокультурного сообщества. В свою очередь, культурологическая модальность усиливает свойственную политически ангажированному тексту СМИ модальность идеологическую. Множественная модализация, имеющая источником субъективное отношение [Дускаева, Краснова 2014; Краснова 2002], и порождает такое свойство массмедийного политического текста, как агональность. Действительно, персуазивный эффект подобного текста очевиден.

Идентифицирующая, или, иначе, парольная функция (в терминах Г. Г. Слышкина, парольно-идентифицирующая функция

[Слышкин 2000]) предполагает, что культуроним помогает говорящему обнаружить свою идентичность, позволяет отличить «своих» от «чужих», и именно с этой целью он используется. Читая пассаж из *Wall Street Journal*, адресат текста моментально понимает, на какой стороне баррикады находится автор статьи: *I believe Putin considers himself a modern-day Czar, and he's intent on reassembling the territories that were historically part of the Russian Empire* [Brown 2014]. Использование культуронима *Czar* (см. дефиницию: (1) an emperor or king, (2) the former emperor of Russia, (3) an autocratic ruler or leader или (4) any person exercising great authority or power [Random House 2010]) не оставляет и тени сомнений, что политический эксперт настроен враждебно по отношению к президенту России, ведь тот, как новоявленный царь, настроен вернуть территории, исторически принадлежавшие Российской империи. Таким образом, разделение на *своих* и *чужих* является одним из важных аспектов дискурсивной адаптации культуронимов в политическом дискурсе с характерным для последнего свойством агональности.

Референтивная функция, суть которой состоит в отсылке к фактуальной информации, которая в свернутом виде представлена в культурониме, достаточно хорошо иллюстрируется в отрывке из статьи о том, как была одета Меланья Трамп на инаугурации: *Mrs. Trump has said that she looks to Mrs. Kennedy as a role model, and at least as far as her image goes, it seems she is taking that literally. I Г-жа Трамп сказала, что она смотрит на г-жу Кеннеди как на образец для себя, и в том, что касается ее имиджа, представляется, что она делает это в прямом смысле слова* [Friedman]. Автор старается воздержаться от комментариев и не эксплицировать своего отношения к новой хозяйке Белого дома. При этом имя легендарной первой леди, признанной до сих пор иконой стиля, казалось бы, на уровне фактуальной информации используется лишь в референтивной функции, т. е. для того, чтобы сделать отсылку к ее имени. Однако на уровне подтекстовой информации в осязаемое противоречие приходят некоторые из выбранных автором средств. Действительно, текст практически лишен каких-либо очевидных знаков субъективной модальности, кроме данного комментария о слишком буквальном понимании значимости ролевой модели г-жой Трамп и несколько двусмысленного заголовка: *Ralph Lauren has dressed his fifth first lady / Ральф Лорен одел свою пятую первую леди*. Амбивалентность данного за-

головка состоит в соседстве понятия «first lady» и номера ее очередности. Результатом становится невольная возникающая мысль о том, что дама-то совсем не первая. Разложение устойчивого выражения *first lady* (букв. *первая леди*) за счет сочетания с числительным *пятая*, слишком широкое понимание новоиспеченной первой дамой государства того, кто является для нее образцом для подражания, создает триггеры модализации, на основе которых ссылка на Жаклин Кеннеди оттеняет то, чего не хватает, с точки зрения автора статьи, новой обительнице Белого дома.

Нередко культуронимы используются в **экспрессивной функции**, которая, на первый взгляд, служит повышению образности текста. Прежде всего, в силу их метафоричности и заложенной в них экспрессивности культурологически маркированные единицы могут употребляться для повышения образности создаваемого текста. Культурно обусловленными являются единицы, восходящие к прецедентным явлениям: *The worry is whether, in this hot summer of disequilibrium, her country is adequate to the task. / Озабоченность вызывает то, может ли ее страна выполнить эту задачу в это жаркое лето дисбаланса* [Coll 2016: 20]. Благодаря своей структуре (*season of...*) и лексическому наполнению (использование антонимов *summer — winter* плюс морфологически сходные контекстуально синонимические наименования отрицательных эмоциональных состояний: *disequilibrium* и *discontent*), данное высказывание сразу же вызывает в памяти название известной книги Р. Олдингтона *The winter of our discontent (Зима тревоги нашей)*. Употребленное, с одной стороны, для большей экспрессивности, данное культурологически маркированное образование эксплицирует содержащуюся в нем в свернутом виде отрицательную оценку.

Еще одним достаточно ярким примером экспрессивной функции является небольшой отрывок из статьи Дж. Кассиди из «Нью-Йоркера», в которой он размышляет о популярности Трампа во время предвыборной кампании. Несмотря на то, что на будущего президента был опубликован компромат, причем, на взгляд автора статьи, компромат предельно серьезный: *the other two stories were as copper-bottomed as the hull of the Cutty Sark / две другие истории (о Трампе и его неблагоприятных делах — С. И.) были столь же внушительны, как корпус клипера Катти Сарк* [Cassidy 2016], кандидат от Республиканской партии выбился в лидеры президентской гонки и уверенно набирал популярность. Экспрессия, которой достигает

автор статьи, генерируется на нескольких уровнях формирования информации текста: на уровне значения и смысла. *Cutty Sark* — это единственный сохранившийся британский чайный клипер, известный своей надежностью и быстротой. В настоящее время это памятник истории, а потому стоит на вечном причале, поднятый из воды, чтобы любители истории могли оценить его надежное днище. Выражение *copper-bottomed* как нельзя лучше сочетается именно с морским судном. И в первом своем значении оно употреблялось только по отношению к днищу корабля, которое для надежности обшивалось медью (см. *Webster's Dictionary* 1828 г. [Webster's Dictionary]). Однако благодаря метафорическому расширению данное выражение стало употребляться в значении *thoroughly sound, genuine, authentic, reliable* (ср. рус. *надежный*). Так, *Merriam Webster* дает два значения этой единицы: (1) *having a copper coating on the bottom <a copper-bottomed pan>*; (2) *British, informal: deserving to be trusted <a copper-bottomed guarantee>*; *certain to succeed <The film is a copper-bottomed hit>*. [Merriam Webster]. В настоящее время выражение употребляется в положительном (ср. рус. *надежный*) и отрицательном (ср. рус. *100%-я ерунда*) контекстах [Wordorigins]. Соответственно, авторская ремарка относительно собранных против Трампа сведений на уровне значения читается как «100%-но надежные сведения». Однако на уровне смысла в контекст вторгается ирония, и читатель остается один на один со следствиями энантиосемии: возможно, это 100%-я ерунда. Данный пример доказывает обоснованность вывода о том, что «на уровне дискурс-анализа важен не столько даже фактор значения слова, сколько его иллокутивная сила — эффект значимости, выделенности образованного смысла» [Дускаева, Краснова 2014: 56]. И эта выделенность, возникающая на основе авторской субъективной подачи информации, неизбежно ведет к модализации текста. Следует подчеркнуть, что создаваемая в политическом дискурсе СМИ образность и экспрессия не создаются ради них самих, а имеют более важную цель — повысить накал риторики и таким образом добиться своей коммуникативной цели.

Нельзя не отметить, что использование культурноносных языковых единиц преимущественно служит реализации нескольких функций. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что они являются довольно сильными «раздражителями», т. е. источниками модализации. Чрезвычайно показательным в плане актуализации не-

скольких функций, благодаря которым производится дискурсивная адаптация культуронима, выступает следующий отрывок из статьи в статусном американском журнале *The New Yorker*. Посвященная съездам Демократической и Республиканской партий США статья называется *The War and the Roses* [Lepore 2016: 24]. Привлекающее внимание своей нарочитой аллюзией название в трансформированном виде восходит к известному историческому событию — Войне Алой и Белой розы (ср. the War of the Roses). В данном случае дискурсивизация культуронима служит кодифицирующей функции: в названии заложена глубокая мысль о том, что между демократами и республиканцами разгорелась война, война до последнего, что, собственно, и передает данная культурно обусловленная номинация. При описании съезда Республиканской партии автор обращает внимание на цвет одежды и окружающих участников конвенции предметов. В глаза бросается доминирующий красный цвет и другие цвета этого спектра: *the women in sleeveless dresses the color of flowers or fruit (marigold, tangerine), the men in fitted suits the color of embers (charcoal, ash); T-shirts stating the significance of life came in black or blue or pink (for fetuses); Don King stood astride its bow, dressed like a Reagan-era Bruce Springsteen (graded jean jacket; swatches of red, white, and blue); she'd affixed a pair of pink plastic doll hands, clutching a miniature American flag, I went to see a ten-foot-tall American bald eagle, made entirely of red-white-and-blue Duck Brand duct tape; She was wearing a sleeveless dress the color of a grapefruit, the pinkest of peonies; Trump took the stage in a suit as black as cinder; His face turned as red hot as the last glowing ember of a fire, dying*. В противоположность этому, на съезде демократов доминирует белый цвет — и это подчеркивается в завершающей фразе, касающейся Хиллари Клинтон: *Hillary Clinton took the stage in a suit of paper white*. Опять же везде присутствуют три цвета американского флага — и в зале, и среди участников мероприятия: *He was wearing a hat decorated with red-white-and-blue tinsel*. Кроме цветовой гаммы, отсылающей к цветам американского флага, автор использует на протяжении всей статьи отрывки из Геттисбергской речи Линкольна (*Gettysburg Address*) и постоянно напоминает о президенте, покончившем с рабством в США. Разделение страны перед президентскими выборами 2016 г. напоминают журналисту Войну Севера и Юга 1861—1865 гг. Постоянные вкрапления из Геттисбергского обращения (выделены полужирным) пере-

межаются с зарисовками автора о съезде Республиканской партии (хотя нельзя не напомнить об ироничности ситуации: Линкольн был первым президентом-республиканцем): *We have to dedicate a portion of that field, as a final resting place for those who here gave their lives that that nation might live. But this wasn't Gettysburg. This battle isn't over. "Our own city streets have become the battlefield", the Homeland Security Committee chair, Mike McCaul, said* [Lepore 2016: 24]. Таких отсылок в тексте довольно много. И они сочетаются с основной идеей статьи: страна разделена, она должна вспомнить свои истоки. Свернутая оценка, которая сопрягается с концептуальным для американской истории и американского государства текстом, разделяет демократов и республиканцев. Автор не скрывает своей позиции — она на стороне демократов, считая, что они проповедуют любовь. И доказательством этого является уже само место проведения съезда — Филадельфия, Город братской любви. Именно с указания на это автор и начинает вторую часть своей статьи: *Welcome to the city of love*. И уже при описании съезда демократов нет укоряющих отрывков из Геттисбергского обращения, поскольку *Philadelphia was to Cleveland the zig to its zag / Филадельфия оказалась заглагом по отношению к Кливленду* [Lepore 2016: 24].

Характерно, что в процессе дискурсивизации культурологически маркированных языковых знаков реализуется эффект модализации, поскольку в силу самой природы культурологически маркированных языковых знаков схема оценивания «вписана в язык» [Бурдые 2007: 77] за счет ценностного маркера, который имплицирован, а порою и эксплицирован в культурониме. Материал убеждает, что эта главная особенность дискурсивной адаптации культурно обусловленных знаков состоит в том, чтобы выступать триггерами создания модального контекста за счет референции к ценностным ориентирам того или иного лингвокультурного сообщества, т. е. генерировать культурологическую модальность. В политическом медиатексте культурологическая модальность тесно переплетается с модальностью идеологической. Этот процесс способствует наращиванию персуазивности и воздейственности данного типа дискурса, а также его агональности.

Заключение

Эмпирический материал свидетельствует, что появление культуронимов в политическом дискурсе массмедиа не случайно. Культурно обусловленные языковые знаки

проходят процесс дискурсивной адаптации посредством реализации нескольких функций: номинативной, кодифицирующей, коммуникативной, оценочной (эвалюативной), идентифицирующей (парольной), референтивной и экспрессивной. Как показывает материал, чаще всего культуронимы актуализируют несколько функций. При этом, благодаря заложенной в них оценочности, они становятся сильными источниками модализации дискурса, поскольку позволяют дать субъективную оценку (поощрение или порицание) предмету обсуждения. Прежде всего они создают культурологическую модальность, которая затем, сочетаясь с присущей политическому дискурсу модальностью идеологической, превращает политический текст в риторическое оружие, заряженное сильными эмоциями и признающее только крайние оценки каждой из оппозиций «хорошо — плохо» и «свой — чужой».

ИСТОЧНИКИ

1. Al Mutar F. S. From Lahore to Brussels to Baghdad: A Plan to Fight Back // Free Inquiry. 2016. Vol. 36, № 5. Aug./Sept. P. 6—7.
2. Brown F. Czar Putin Wants a Russian Empire // Wall Street Journal. 2014. 30.10. URL: <https://www.wallstreetdaily.com/2014/10/30/putin-russian-empire/>.
3. Cassidy J. Two Americas: Why Donald Trump Still Has a Lot of Support // New Yorker. 2016. 2.11. URL: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/two-americas-why-donald-trump-still-has-a-lot-of-support>.
4. Coll Steve. Defying Conventions // New Yorker. 2016. 8—15 Aug. P. 19—20.
5. Friedman V. Ralph Lauren has dressed his fifth first lady // New York Times. 2017. 20.01. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/20/fashion/melania-trump-wearing-ralph-lauren-channels-a-predecessor-jacqueline-kennedy.html?smid=fb-nytimes&smtyp=cur&r=0>.
6. Donald Trump's Inaugural Speech, Annotated // New York Times. 2017. 20 Jan. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2017/01/20/us/politics/donald-trump-inauguration-speech-transcript.html?smid=fb-nytimes&smtyp=cur>.
7. Lepore J. The War and the Roses // New Yorker. 2016. 8—15 Aug. P. 24—32.
8. Read Hillary Clinton's Speech Touting 'American Exceptionalism' // Time. 2016. 31.08. URL: <http://time.com/4474619/read-hillary-clinton-american-legend-speech/>.
9. Sykes C. J. Why Nobody Cares the President Is Lying // New York Times. 2017. 4 Febr. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/04/opinion/sunday/why-nobody-cares-the-president-is-lying.html>.
10. Vick K. Is Putin Taking Sides? // Time. 2016. 8.08. P. 34—37.
11. Whippman R. Women's 'empowerment' is not real power // Time. 2016. 8.08. P. 21.

ЛИТЕРАТУРА

12. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц. ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2007. 288 с.
13. Гудков Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык. Сознание. Коммуникация. — М., 1997. Вып. 1. С. 114—127.
14. Дускаева Л. Р., Краснова Т. И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 51—57.
15. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2014. 510 с.

16. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2003. 364 с.
17. Иванова С. В. Хитрое слово leadership, или Еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 58—68.
18. Иванова С. В., Чанышева З. З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культурноносности // Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 154—166.
19. Кабакчи В. В. Английский язык межкультурного общения // Cross-Cultural English : учеб.-справ. пособие. — СПб. : Образование, 1993. 200 с.
20. Кабакчи В. В. Практикум англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб. : Союз, 2004. 480 с.
21. Краснова Т. И. Субъективность — Модальность (материалы активной грамматики). — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.
22. Красных В. В. «Маски» и «роли» фрейм-структур сознания (к вопросу о клише и штампах сознания, эталоне и каноне) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. — М. : Диалог-МГУ, 1999. Вып. 8. С. 39—43.
23. Лотман Ю. М. Текст // Словарь литературоведческих терминов. URL: http://slovar.lib.ru/terminologies/lotman_ju_m.htm#txt.
24. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/k7170.html>.
25. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. 294 с.
26. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М. : Academia, 2000. 128 с.
27. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.
28. The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition ©2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.
29. Barnhart D. K., Metcalf A. A. America in So Many Words. Words That Have Shaped America. — Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 1997. [XII], 308 p.
30. Burns J. M. Transforming Leadership: A New Portrait of Happiness. — New York : Atlantic Monthly Pr., 1978. [IX], 319 p.
31. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged. 12th Ed. 2014 ©HarperCollins Publishers, 2014.
32. Learner's Dictionary. URL: <http://www.learnersdictionary.com>.
33. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
34. Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
35. Random House Kemerman Webster's Dictionary. ©2010 K Dictionaries Ltd.
36. Tyrrell I. What, exactly, is 'American exceptionalism'? // The Week. 2016. 21.10. URL: <http://theweek.com/articles/654508/what-exactly-american-exceptionalism>.
37. Weaver G. American Cultural Values // Kokusai Bunka Kenshu (Intercultural Training). 1997. Vol. 14, Winter. P. 14—20. URL: <http://trends.gmfus.org/doc/mm/f/American%20Cultural%20Values.pdf>.
38. Webster's Dictionary 1828. Online Ed. American Dictionary of the English Language URL: <http://webstersdictionary1828.com>.
39. Wordorigins.com. URL: <http://www.wordorigins.org/index.php>.

S. V. Ivanova
Saint Petersburg, Russia

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF CULTURALLY RELATED LEXIS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article discloses the processes of functioning of culturally determined linguistic signs within political mass media. There are certain peculiarities in the use of culturally marked linguistic signs in political discourse which make it possible for them to reach the goals that political communication sets. The fact that culturologically marked units are actively involved in political discourse is determined by the tasks of political communication, on the one hand. On the other hand, these aims and tasks comply with the ontological properties of these signs. These properties include axiogeneity of culturologically marked linguistic signs, their inherent ability to nominate, identify and encode the values of cultural and linguistic community, their ability to make references to the latter and to serve the purposes of evaluation and expressivity. Information related to cultural values, which is conveyed in these signs, constitutes their major peculiarity, i.e. their ability to build a modal context due to the reference to value vectors of the society. In the process of discursive adaptation cultural names turn into sources of cultural modality which is understood as the evaluation from the point of view of societal cultural values, i.e. it is responsible for rendering appraisal or reproof based on a certain cultural tradition. In a political media text culturological modality is intertwined with ideological modality. This process makes this type of discourse even more persuasive as well as its agonal.*

KEYWORDS: *political mass media discourse; media discourse; media linguistics; media texts; mass media; language of mass media; linguistic signs; American mass media.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / per. s frants. ; otv. red. perevoda N. A. Shmatko. — M. : Institut eksperimental'noy sotsiologii ; SPb. : Aletyya, 2007. 288 s.
2. Gudkov D. B. Algoritim vospriyatiya teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya. — M., 1997. Vyp.1. S. 114—127.
3. Duskaeva L. R., Krasnova T. I. Intentsional'nost' i modalizatsiya mediateksta v kontekste kul'tury (opyt obobshcheniya) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 51—57.
4. Zykhova I. V. Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovaniy frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2014. 510 s.
5. Ivanova S. V. Lingvokul'turologicheskiy aspekt issledovaniya yazykovykh edinit: dis. ... d-ra filol. nauk. — Ufa, 2003. 364 s.
6. Ivanova S. V. Khitroe slovo leadership, ili Eshche raz o natsional'no-kul'turnoy spetsifike // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 58—68.
7. Ivanova S. V., Chanyшева Z. Z. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kul'turonosnosti // Vestn. RUDN. Seriya: Lingvistika. 2014. № 4. S. 154—166.
8. Kabakchi V. V. Angliyskiy yazyk mezhkul'turnogo obshcheniya // Cross-Cultural English : ucheb.-sprav. posobie. — SPb. : Obrazovanie, 1993. 200 s.
9. Kabakchi V. V. Praktikum angloyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii. — SPb. : Soyuz, 2004. 480 s.
10. Krasnova T. I. Sub"ektivnost' — Modal'nost' (materialy aktivnoy grammatiki). — SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2002. 189 s.
11. Krasnykh V. V. «Maski» i «roli» freym-struktur soznaniya (k voprosu o klishe i shtampakh soznaniya, etalona i kanona) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. statey. — M. : Dialog-MGU, 1999. Vyp. 8. S. 39—43.
12. Lotman Yu. M. Tekst // Slovar' literaturovedcheskikh terminov. URL: http://slovar.lib.ru/terminologies/lotman_ju_m.htm#txt.
13. Obshchiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://tolslovar.ru/k7170.html>.
14. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie takтики i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004. 294 s.
15. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvoly: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekстов v soznanii i diskurse. — M. : Academia, 2000. 128 s.

16. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.
17. The American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition ©2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.
18. Barnhart D. K., Metcalf A. A. America in So Many Words. Words That Have Shaped America. — Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 1997. [XII], 308 p.
19. Burns J. M. Transforming Leadership: A New Portrait of Happiness. — New York : Atlantic Monthly Pr., 1978. [IX], 319 p.
20. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged. 12th Ed. 2014 ©HarperCollins Publishers, 2014.
21. Learner's Dictionary. URL: <http://www.learnersdictionary.com>.
22. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
23. Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
24. Random House Kemerman Webster's Dictionary. ©2010 K Dictionaries Ltd.
25. Tyrrell I. What, exactly, is 'American exceptionalism'? // The Week. 2016. 21.10. URL: <http://theweek.com/articles/654508/what-exactly-american-exceptionalism>.
26. Weaver G. American Cultural Values // Kokusai Bunka Kenshu (Intercultural Training). 1997. Vol. 14, Winter. P. 14—20. URL: <http://trends.gmfus.org/doc/mmf/American%20Cultural%20Values.pdf>.
27. Webster's Dictionary 1828. Online Ed. American Dictionary of the English Language URL: <http://webstersdictionary1828.com>.
28. Wordorigins.com URL: <http://www.wordorigins.org/index.php>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.